

Татьяна Смыслина

НОРМАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

МОСКВА
2024

*Посвящается моей бабушке –
Лидии Константиновне.*

*Баб, меня всё-таки взяли за-
муж! И детей я родила. Двоих,
«как положено». Уши, когда ве-
трено, закрываю. Не сижу на хо-
лодной земле. Стараюсь не есть
всухомятку. Лоб не морщю. Но
морщины всё равно появляются.*

И, да, я скучаю.

Содержание

Лидия	5
Знакомство	6
Египет	8
Бабушка и клофелин	10
Бабушка против дурного влияния	12
Сортировка	15
Бабушкины университеты	18
«Маленький принц».	21
«Беременность»	23
Бабушкина библиотека	26
Бабушка против вшей.	28
Жизнь семейная	30
Воскрешение	34
Бабушка и внушки	37
Вафли	42
Нормальная женщина.	45
Орбита	46
Питер Пэн.	49
Блэкмен	52
Не влезай, убьёт!.	55

Парк развлечений	60
Православный рейс	66
Алые паруса.	69
Волосы.	74
Синяя зона	77
Зубы на полку	80
Валера	83
Шугов лес	86
Экстрасистолы	90
Крем-брюле.	94
Звезда	101
«Алёшенька»	108
В лодке.	112
Батрахоспермум	116
Вентиляция	121
Быть добрее.	124
Остальное — не важно.	128
Венера	132
Особенный день	138
Профессионалка	143
Сюрприз.	146
Русалки	149
Коленки	153
Нормальная женщина	156

Лидия

Знакомство

Лидия Константиновна стояла в коридоре, прислонившись головой к стене. «А-а, а-а, о-о-ой», — монотонно стонала она и каталась затылком по обоям, от одного уха к другому. «А-а» и «о-о-ой» Лидия Константиновна произносила в чёткой, ведомой ей одной последовательности — будто читала мантры или шаманские заклинания. Она так закатывала глаза, что Тане казалось: обратно они уже не выкатятся.

Таня смотрела на бабушку Лиду, и сердце её сжималось. Она верила, что бабушка «самый больной человек на свете», и всё время удивлялась: как один человек может вынести столько страданий?

«Опоясывающий лишай нервной системы», — поставила Лидия Константиновна диагноз самой себе. И хотя никаких внешних признаков лишая у неё не было, сомневаться в её словах никто из домашних не посмел бы.

Регулярные сердечные приступы, скачки давления, хондроз, панкреатит, а теперь ещё и «лишай», который паразитировал на бабушкиной нервной системе. Таня знала, что нервы у бабушки Лиды были «распатаны с малолетства», а «из-за нервов и сердце не хотело работать как надо».

Лидия Константиновна измеряла давление по несколько раз в день и всегда носила с собой тонометр и «дежурные таблетки». Когда она не могла слышать своё сердцебиение, то

просила внучку помочь. Таня частенько сидела со стетоскопом в ушах и сосредоточенно пыталась услышать «верхнее, систолическое». Оно было особенно важным для бабушки, потому что от него она потом «плясала по таблеткам».

И если Таня «выслушивала» меньше ста сорока — просто «невнимательно слушала».

Таблетки бабушка Лида хранила в большущей картонной коробке, в какие обычно складывают скарб при переездах. А у Лидии Константиновны она была плотно набита лекарствами — запас на несколько лет.

На картонных стенках с внешней стороны карандашом были написаны названия лекарств, их назначение и дозировка. Таня хорошо помнила самые важные: кристепин, адефлан, клофелин и особенно — феназепам. Его нельзя было «достать» просто так, без рецепта. И бабушке его никто не выписывал — таблетками снабжала любимая тётка Шура. Шура «прошла всю войну» и временами теряла рассудок, поэтому и имела пожизненный рецепт на феназепам.

От феназепама бабушке всегда становилось лучше, и она засыпала. А просыпалась уже совсем здоровая. «Все болезни сном проходят», — говорила Лидия Константиновна, туго перевязывала коробку с таблетками бечёвкой и убирала на самую высокую антресоль, под замок. Чтобы Тане, не дай бог, «не втемяшилось» попробовать её таблетки.

Египет

Таня их, конечно, попробовала, но много позже — когда уже взрослая отдыхала в Египте. Она записалась на экскурсию на плато Гиза. Знаменитые пирамиды, сфинкс, которым Таня грезила со школы, и Каирский музей.

Автобус с туристической группой отправился поздно вечером. В пути они должны были провести всю ночь, чтобы утром увидеть пирамиды. Тане так хотелось приехать на пирамиды полной сил, чтобы хорошенько всё рассмотреть! Но она плохо переносила дорогу — заснуть в автобусе было из разряда чудес.

Среди экскурсантов была бодрая пара пенсионного возраста из Таниного отеля. Таня познакомилась с ними, когда садилась в автобус, и с этого момента Валя и Серёжа взяли над ней шефство. Серёжа заметил, как Таня крутилась на своём сиденье и пыталась принять удобную для сна позу. Видя её мучения, он предложил «глотнуть коньячку для сна» и полез было за пластиковым стаканом. Таня наотрез отказалась, ссылаясь на особенности своего вестибулярного аппарата. Тогда Сергей произнёс сакраментальное:

— Валь, у тебя таблетки с собой? Дай ей эти, самолётные. Может, заснёт.

И Валя дала.

Таня держала в руках блистер с обрезанным названием «... зепам». «Что-то подозрительно знакомое», — насторожилась она. Но заснуть очень хотелось, и Таня вскрыла ячейку.

Всё, что происходило в следующие сутки, Таня запомнила смутно. У неё, в отличие от бабушки, давление всегда было пониженным. А вероятность не проснуться после бромдигидрохлорфенилбензодиазепа — повышенной.

Всю дорогу до Каира Таня пролежала на заднем сиденье автобуса в забытии. Помимо ожидаемого седативного эффекта, с ней случилась побочка в виде повышенного слюноотделения, головокружения и галлюцинаций. Она, конечно, спала. Но не так, как ей бы хотелось.

Серёжа с Валею по очереди подходили к Тане проверить, как ей «спится».

— Смотри, Валь, аж слюна потекла, как спит, — умилялся Сергей.

Сквозь приоткрытые веки Таня увидела Сергея — с головой шакала. «Анубис, — подумала Таня, — провожает меня в загробный мир». Валя тоже преобразилась: в её облике появилось что-то крокодилье. «А это Аамат, — поняла Таня, — она отвечает за возмездие». По справедливости, Аамат должна была откусить Анубису голову за Танины страдания, но сил досмотреть эту сцену у Тани уже не было.

Утром группу привезли на завтрак. Таня, шатаясь, вылезла из автобуса. Есть совсем не хотелось — она всё ещё пребывала в мире, где у людей вырастают пёсьи головы и крокодилье лапы.

— Ну сразу видно, отдохнула! — констатировали пенсионеры. — Обрати поедем, ещё выпьешь.

А Тане уже не хотелось ни на какие пирамиды. Ей сразу хотелось «обратно» — но без феназепама. Сфинкса она, конечно, увидела. Однако после автобусных челоуекопсов он уже не казался ей чем-то особенным.

Отпустило Таню лишь к концу вторых суток. Всё это время она вспоминала бабушку и никак не могла взять в толк — как же та жила на таких высокоактивных транквилизаторах?

Бабушка и клофелин

А Лидии Константиновне таблетки помогали справляться с ранимостью и высоким давлением. Таня рано поняла, как легко можно было обидеть бабушку, — например своим невниманием. Несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, бабушка Лида изнутри была очень хрупкой.

А вот Танина мама, Римма, этого понимать никак не хотела. Она частенько игнорировала Лидию Константиновну — упрямо пыталась жить своей взрослой жизнью. Которая никак не получалась, потому что бабушка Лида жила в соседнем подъезде: на том же этаже, с одной общей стеной и смежным с дочерью балконом.

Танин папа даже проделал в балконе дыру, чтобы тёща в любой момент могла беспрепятственно попасть к внучке.

Бабушкин силуэт в балконном окне прочно ассоциировался у Тани с папиным: «Полундра! Идёт!». Таня не совсем понимала значение слова «полундра» — она решила, что папа так называет бабушку, и тоже за глаза стала звать её Полундрой.

Полундра могла прийти в любое время, иногда появлялась в квартире в самый неожиданный момент — чем пугала Таниных папу и маму.

Однажды мама «самовольно» уехала за город к свекрови и оставила Таню с бабушкой. Бабушка обиделась, расстроилась — и у неё сильно подскочило давление.

Снизить «такое высокое» давление мог только клофелин, который бабушка приняла в тандеме с чем-то ещё из заветной коробки.

Через полчаса давление у бабушки снизилось. Вместе со способностью ориентироваться в пространстве и времени.

— Кто ты, девочка? — спрашивала Лидия Константиновна и смотрела сквозь Таню пустыми глазами. — Я тебя не знаю. А я кто?

— А ты бабушка моя! — кричала Таня в ужасе. И ей начинало казаться, будто не только бабушка нуждалась в самоидентификации, а уже и она сама.

А бабушка Лида ложилась на кровать и сладко дремала.

Бабушка против дурного влияния

Бабушкины проблемы со сном начались из-за её прежней работы. Много лет Лидия Константиновна проработала начальником смены военизированной охраны на режимном объекте. Она часто работала «в ночь» и всю оставшуюся жизнь засыпала поздно и спала чутко.

Выйдя на пенсию, она так же чутко караулила Таню и оберегала её от «дурного влияния». У бабушки Лиды, казалось, был встроенный радар опасности — она всегда появлялась в самый ответственный момент.

Как-то маленькая Таня выносила мусор и у мусоропровода наткнулась на бабку Надю — противную старуху, что жила с бабушкой на одной площадке. Все её называли бабой Надей, а бабушка Лида — «старой ведьмой».

Бабка Надя была женщиной нелёгкой судьбы — оттого, видимо, и стала такой склочной, завистливой и будто желающей всем споткнуться о собственный порог.

— Смотри, что у меня есть, — сказала она и сняла с шеи крестик на засаленной верёвке. — Смотри, какой красивый. Хочешь примерить?

Таня открыла рот и уставилась на крестик. Что-то внутри неё кричало, что чужие крестики примерять нельзя, дабы не

брать на себя «тяжёлую ношу» другого человека. Но любопытство взяло верх. Таня смотрела на крестик как заворожённая и не могла двинуться с места. Старуха растопырила верёвку и уже занесла её над Таниной головой.

— Я тебе щас руки отрублю, — услышала Таня подозрительно спокойный голос бабушки Лиды.

Бабушка двинулась на соседку. В состоянии аффекта Лидия Константиновна всегда выглядела спокойной, и только блеск её разом потемневших глаз выдавал её истинное состояние.

В этот день Таня узнала много новых слов и словосочетаний: от «старой проститутки» до «вшивой пизды». Бабушка настоятельно рекомендовала соседке сидеть дома в ближайшие несколько дней. Потому что, «если бы не ребёнок», баба Надя «вынимала бы этот крестик из своего поганого глаза». Отныне соседке запрещалось даже смотреть в Танину сторону. И это было справедливо.

Бабушка Лида обладала внушительной грудью и в такие моменты была похожа на таран или кариатиду боевого корабля, ощетинившегося мортирами. Но Таня, в отличие от перепуганной соседки, её ни капли не боялась и даже гордилась ею. «Вот какая у меня бабушка, — говорила Таня сама себе, — даже папа так не сумел бы».

— У тебя мозгов что ль нет? — ругала позже бабушка Таню. — На кой шут ты с ней разговаривала?

Когда Таня выросла, обзавелась друзьями и стала более самостоятельной, бабушкин радар заработал на износ и всегда был в состоянии готовности.

Лидия Константиновна умела внезапно возникать там, где её никак не ожидали встретить. Каким-то неведомым образом она всегда знала, какой дорогой Таня с подругой будут обходить собственный двор, — именно чтобы не попасться ей на глаза.

«И куда это мы собрались?» — довольно произносила бабушка. И вершила свой суд — либо миловала и даровала недолгую свободу, либо казнила и тащила домой. В такие моменты

Таня бабушку недолюбливала, но послушаться не смела — помнила про давление и коробку с таблетками.

Бабушка чётко делила Таниных друзей на «годных» и «негодных». Последним приходилось туго. По каким критериям Лидия Константиновна так сортировала людей, никто толком не знал.

Однажды подруга из разряда негодных зашла к Тане, чтобы одолжить шиньон. Бабушку это как-то особенно возмутило — она без обиняков сказала, что «выдернет Ксении все космы», если та возьмёт Танин шиньон. Лидия Константиновна всегда называла людей полными именами, если не называла их частями тела.

Семнадцатилетнюю Ксению бабушка считала нечистоплотной — во всех смыслах. А «напяливать на свою башку» Танин шиньон Лидия Константиновна считала верхом наглости. «Ты ещё трусы попроси у Тани!» — кричала бабушка вслед убегающей Ксении, облокотившись на лестничные перила. С «наглецами» бабушка не церемонилась.

Сортировка

Особенно тщательно бабушка Лида сортировала Танин круг общения, когда внучка поступила в иняз и у неё появилось много новых знакомств. Очень важно было разделить всех на «годных» и «негодных», на «проституток» и «приличных», и не смешивать «потенциальных женихов» со «всеми остальными».

В инязе учились в основном девушки. Парней на потоке было не больше десяти, и они представляли для бабушки Лиды особый интерес. «Есть кто перспективный-то у вас?» — спрашивала бабушка Таню. А та обычно отшучивалась, что все перспективные учатся этажом ниже, на экономическом.

Но одного однокурсника она всё же привела в гости. Паша с экзотической фамилией Кимбика был из очень интересной семьи. Его бабушка всю жизнь проработала в институте и тоже очень придирчиво сортировала окружение своей дочери. В итоге дочь вышла замуж за парня, в чьём паспорте в графе «место рождения» значились острова Французской Полинезии. И на свет появился Паша. Чернокожий, белозубый и для Пензы образца восьмидесятых чересчур экзотичный. Паша жил с бабушкой, играл на саксофоне и был звездой местной команды КВН.

Было лето, занятия в институте уже закончились, и Таня решила сделать бабушке сюрприз. Она так и объявила:

— Ба, у нас сегодня будет гость. Надо оценить его на предмет перспективности.